

ПИСЬМА ИОАННА ФАН КЕЛЛЕРА В СОБРАНИИ НИДЕРЛАНДСКИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ

В нашей литературе давно разрешен вопрос о сочинениях иностранцев как источнике по истории России.¹ Речь шла о сочинениях западноевропейских дипломатов и частных лиц, наблюдения

---

²⁵ Материалы для истории императорской Академии наук. Т. 4 (1739—1741). СПб., 1887, стр. 181.

²⁶ В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. I. Киев, 1892, стр. 1078.

²⁷ Э. де Бартеlemi. Петр Великий во Франции. Еженедельное приложение к «Русскому инвалиду», 1865, № 5, стр. 4.

²⁸ П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом. т. I. СПб., 1862, стр. 256.

²⁹ ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, д. 796, л. 15 об.

¹ Ф. Аделунг. Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 г. и их сочинения, чч. I, II. М., 1864; Е. Замысловский. Герберштейн и его историко-географические известия о России. СПб., 1884; В. О. Ключевский. Сказание иностранцев о Московском государстве. М., 1928; С. М. Середонин. Сочинения Дж. Флетчера как исторический источник. СПб., 1891, и др.

которых за русской жизнью и русскими событиями ограничивались сравнительно небольшим отрезком времени. Но есть еще одна довольно обширная группа иностранных источников, остающаяся вне поля зрения исследователей. Это дипломатические донесения и письма XVII в. аккредитованных при царском дворе постоянных агентов западных держав. Отличие этих дипломатических документов от сочинений иностранцев о России заключается в том, что они написаны по горячим следам событий, чаще всего в ходе событий, и представляют собой как бы моментальную фотографию. К числу источников подобного рода следует отнести и донесения голландских резидентов в Москве своему правительству — Генеральным штатам Нидерландов. Письма, донесения, журналы и отчеты голландских резидентов и посольств с 1614 по 1795 г. ныне составляют отдельное собрание дипломатических документов в архиве ЛОИИ.²

Здесь — донесения голландского торгового агента Исаака Массы (1614—1618 гг.), материалы посольства Бредероде, Басса и Иоакими (1615—1616 гг.), Фельтдриля и А. Бурха (1630—1631 гг.),³ Якова Бореля (1665 г.), Николая Гейнса (1669 г.), Кунраада Кленка (1675—1676 гг.), первого постоянного дипломатического представителя Голландии в России барона Иоганна ван Келлера (1676—1696 гг.), резидента Гульста (1697—1705 гг.) и др.

Заслуживают особого внимания письма (briefs) Келлера, которые он писал в Гаагу в целях информации своего правительства о текущих делах царского двора и в качестве отчетов о своей деятельности. Сейчас копии этих донесений на французском языке хранятся в четырех объемистых папках (№№ 55—58).⁴ Хотя они дошли до нас в более полном виде, чем депеши других резидентов, значение их не только в этом. В письмах Келлера нашли освещение знаменательные, драматические и вместе с тем слабо изученные события русской истории последней четверти XVII в. Келлер был свидетелем царствования Федора Алексеевича и падения выдающегося дипломата А. С. Матвеева, безрезультатности

² ЛОИИ, coll. 40. Это собрание прибыло в Россию в 1843 г. в виде точных копий с донесений и отчетов голландских дипломатов, пребывавших при русском дворе в XVII—XVIII вв. Копии сняты по просьбе Николая I сотрудниками Гаагского государственного архива, где хранятся сами оригиналы. Сотрудники этого архива и русской миссии в Нидерландах тогда же выполнили точные их переводы на французский и русский языки (на русский язык переведены материалы с 1614 по 1676 г., на французский — все остальные документы собрания).

³ В небольшой части это собрание опубликовано в «Вестнике Европы» за 1868 г., №№ 1, 4, 8, а также в Сб. РИО, т. 116, 1902.

⁴ Голландская копия писем Келлера утрачена. Она находилась в делах В. А. Кордта, автора «Очерка сношений Московского государства с Республикою Соединенных Нидерландов по 1631 год», опубликованного в Сб. РИО, т. 116, 1902, до настоящего времени не найдена. Кордт собирался издавать письма Келлера.

кровопролитных Чигиринских походов и отмены местничества, стрелецких восстаний, возвышения царевны Софьи и князя Голицына, Крымских походов и установления единодержавия Петра I.

Несколько слов об авторе писем — Келлере. Биографических данных о нем очень немного. Известно, что до своего приезда в Россию он занимал должность каноника в Утрехте.⁵ О нем главным образом мы знаем по его письмам. Когда мы читаем их, нас поражают прежде всего его огромная эрудиция и знание языков. Он в совершенстве знал античную историю, древних авторов, современные ему ученые трактаты и в особенности сочинения по общему и международному праву, на которые не раз ссылался.

Письма позволяют кое-что сказать и о его мировоззрении. Протестант, враг иезуитов и католиков, он все-таки из осторожности не ввязывался в церковные дела, хотя поводов к этому было больше чем достаточно. Он разделял взгляды тех русских, которые, как он однажды сказал, не очень стремились входить в тонкости святого евангелия. К числу таких веротерпимых и материалистически настроенных людей он относил многих руководителей московской дипломатии, как думный дьяк Ларион Иванов, князь В. В. Голицын и др. Он рассматривал все с точки зрения выгоды и наживы и утверждал, что в обществе и природе все идет своим порядком.⁶ Нередко он обращался к богу, но это обращение носило оттенок рационалистического мировоззрения. С его точки зрения, бог — разумное существо в том смысле, как понимали его средневековые рационалисты. Главным двигателем политики он считал материальную выгоду. Поэтому он часто цитировал знаменитую латинскую поговорку: *Optimi amici, qui divites faciunt* (лучшие друзья те, которые приносят больше денег).

Для представителя голландской торговой буржуазии это довольно естественная и последовательная точка зрения. Крайне осмотрительный и осторожный, терпеливый и хладнокровный, он выгодно отличался от своих товарищей по работе, от таких, как Гэ, датский посланник Габель, английский посланник Гебдон, датский посланник Горн и др., которые забрасывали свои дворы самыми вычурными по языку и самыми фантастическими по содержанию донесениями.

Первым, кто обратил внимание на историческую ценность писем резидента Келлера, был голландский историк Я. Схелтема (J. Scheltema). Главы о голландско-русской торговле в последней четверти XVII в. его книги «*Rusland en de Nederlanden beschauwd um derzelver Wederkeeringen betrekkingen*», vv. I—IV (Amsterdam,

⁵ J. Scheltema. *Rusland en de Nederlanden beschouwd in derzelver wederkeeringe betrekkingen*, geel. I. Amsterdam, 1817, bl. 294, 348.

⁶ ЛОИИ, колл. 40, № 139.

1817—1819) написаны почти исключительно на основании келлеровских писем. В силу ограниченных задач своего труда Схелтема даже не пытался поставить вопрос о критической оценке писем. Это ему было тем более трудно сделать потому, что оригиналом их он не располагал. Изучая голландско-русские отношения, он интересовался письмами лишь с этой точки зрения. Использование писем ограничилось извлечением данных о торговле и реже — о наличии политических связей между двумя странами.

С других позиций подошел к письмам М. Поссельт.⁷ Собственно, М. Поссельт келлеровскими письмами не занимался, а просто привлек их для освещения внутренней и внешней политики России, без какой-либо критической оценки. Ничего не говорилось и о самом главном, о том, что донесения иностранных дипломатических агентов дают много ценного для изучения внутренних событий в России, что эти события рассматривались ими сквозь призму их внешнеполитических интересов, возможного и предполагаемого влияния на внешнеполитическую ориентацию царского двора. Письма Келлера являются образцом именно такого подхода к освещению внутренних русских событий.

Политическая позиция Келлера ясна и понятна: представляя при русском дворе господствующий класс Голландии (Келлер занимал видное место на иерархической лестнице, носил титул барона), он был солидарен по всем главным вопросам с той внутренней политикой, которую проводила боярско-дворянская верхушка Русского государства. Вместе с тем в тревожные для нее дни политических кризисов, народных выступлений он нередко осуждал действия тех или иных ее представителей, неумелые, а иногда опрометчивые решения которых могли повлечь за собой нежелательные последствия, вызвать в стране, как он любил выражаться, еще больший хаос. Однако объясняется это опять же страхом резидента за состояние голландской торговли, могущей понести убытки в результате неустойчивости внутригосударственных дел.

Всего имеется 247 писем Келлера. Вместе с теми, которые позднее были найдены при разборе документов, хранящихся в сейфе Генеральных штатов, и теми, которые привез в Россию в 1893 г. В. А. Кордт,⁸ известно 294 письма, следовательно, в нашем распоряжении находится около 82% келлеровских писем.

Донесения голландских дипломатов XVI—XVII вв. носили публичный характер, т. е. они были доступны для всех членов Генеральных штатов и штатов нидерландских провинций. С 1651 г. нидерландские агенты об особо важных фактах доносили

⁷ M. P o s s e l t. Der General und Admiral Frenz Lefort, sein Leben und seine Zeit. СПб., 1886. Сокращенный перевод книги Поссельта напечатан в «Военном сборнике» (тт. 74—78. 1870—1871).

⁸ В. А. Кордт. Отчет о поездке в Голландию. Известия Академии наук, 1893, июнь, стр. 97.

секретно. В таком случае письма адресовались на имя гриффера, заведующего секретным делопроизводством Генеральных штатов, и пересылались со специальными нарочными. Секретные письма Келлера, которые он направлял грифферу Фогелю, — это отчеты по денежным делам. Все остальные его донесения, посланные по почте, попали в общую массу публичных документов. С конца XVII в. Генеральные штаты приказали своим дипломатам засекречивать корреспонденцию. Уже преемник Келлера Гульст засекречивал свои депеши.

Сообщения Келлера можно грубо разбить на три группы. Первая и самая обширная группа сведений — это новости о придворных делах и наиболее крупных изменениях в стране. Сведения о внутренней жизни Келлер собирал тщательно через тайных, оплачиваемых агентов, работавших в самых различных учреждениях Москвы, вплоть до царских покоев, а также путем знакомства с официальными документами, обнаруженными в столице. Немалое значение имели и его личные наблюдения. Относительно последних следует заметить, что, хотя резидент как дипломатическое лицо имел право свободного передвижения, он был стеснен в своих действиях. Ему строжайше запрещалось без разрешения Посольского приказа сноситься с прибывавшими в Москву послами. В Посольский приказ он, кажется, имел свободный доступ и ознакомился там с новостями из-за рубежа по курьерским ведомостям, регулярно прибывавшим в высшее русское дипломатическое ведомство. Реже Келлер писал, основываясь на непроверенных слухах. Такие случаи обязательно оговаривались.

Вторая группа фактов — это сообщения о дипломатической жизни русской столицы. Келлер делал все, чтобы находиться в курсе текущих дипломатических дел. С этой целью он пошел на подкуп трех толмачей Посольского приказа: Леонтия Гросса, Ефима Мейснера и Ивана Енина. Трудно было найти более подходящие кандидатуры в качестве осведомителей. На подкупы, конечно, уходило много денег, но с расходами не приходилось считаться. Как правило, Келлер имел все нужные ему документы приезжавших в Россию дипломатов через несколько дней после вручения их Посольскому приказу. Кроме того, он вел постоянную переписку с бранденбургским дипломатом Гессом, приезжавшим в Москву в 1676 г., со шведским дипломатом Фабрициусом, с голландским резидентом в Стокгольме Румпфом⁹ и др. Эта переписка позволяла ему следить за изменениями в политике государств Центральной и Северной Европы.

Третья группа сообщений — это известия о состоянии русско-голландских отношений.

Основную ценность для нас представляет первая группа известий — сообщения Келлера о внутренних событиях в Московском

⁹ ЛОИИ, колл. 40, №№ 42, 106, 107, 137, 195, 246, и др.

государстве. В небольшой статье невозможно рассмотреть все такие сведения, определить их значение и достоверность.¹⁰ Остановимся на одном из них или, точнее, на одной группе событий, которые всегда вызывали повышенный интерес исследователей — на стрельцко-холопском восстании 1682 г. в Москве. Восстание крестьян — холопов 1682 г. в Русском государстве, достигшее своей высшей точки в майском возмущении холопов и посада Москвы, явилось самым крупным антифеодальным выступлением после крестьянской войны под руководством С. Т. Разина.

Известно несколько сочинений о майском стрельцком восстании, авторы которых — иностранцы случайно оказались в те дни в русской столице. Это донесения датского комиссара А. Бутенанта,¹¹ сочинение неизвестного польского автора, письма польского кардинала Цибо (Cybo) в Рим¹² и др.¹³ Наиболее значительные русские источники — это «Созерцание краткое» С. Медведева,¹⁴ записки А. А. Матвеева, И. Желябужского и Крекшина¹⁵ и Саввы Романова.¹⁶

Донесения Келлера еще не привлекались к освещению событий майского восстания стрельцов. А вместе с тем в них есть такие сведения, которых нет не только в упомянутых иностранных, но и в русских источниках. Самое ценное в письмах голландского резидента, жителя Москвы, то, что новости при русском дворе и в столице — избрание Петра I в обход старшего брата Ивана, борьба Нарышкиных и Милославских, стрельцкое возмущение и другие факты — в них рассматриваются на фоне событий, происходящих во всей стране, а также как следствие царской политики, проводимой господствующим феодальным классом на протяжении ряда лет. Недовольство трудящегося люда, доведенного до нищеты боярами и дворянами, готового подняться на защиту попранных прав — это то, о чем Келлер говорит скупно, со страхом, но постоянно. Так, избрание царем Петра 29 апреля, по смыслу его писем, дано как заранее подготовленное решение ввиду неизбежности стрельцкого восстания.

За девять с половиной месяцев до кончины царя Федора, в связи с его болезнью, Келлер сообщил в Гаагу о том, что молодой

¹⁰ Более полно письма Келлера как исторический источник рассмотрены нами в диссертации «Нидерландский резидент в Москве И. Келлер и его письма», защищенной в ЛГУ в 1947 г.

¹¹ Донесения Бутенанта опубликованы А. Устряловым: История Петра Великого, т. 1. СПб., 1858, прилож. VI.

¹² A. Theiner. Monuments Historiques relatifs aux regnes d' Alexis Michaelowitch, Fedor III et Pierre le Grand, czars de Russie. Rome, 1859, pp. 236—242.

¹³ Это более поздние и компилятивные сочинения о стрельцком восстании Бова, Шлейзинга, Невилля и Аврля.

¹⁴ Сильвестра Медведева созерцание краткое лет 7190, 91 и 92 в них же что содеется во гражданстве. М., 1894.

¹⁵ Записки русских людей. СПб., 1841.

¹⁶ Летописи истории русской литературы и древностей, т. V. М., 1863.

и способный царевич Петр является кандидатом на русский престол и что он очень любим царем. В таком случае неизбежно — добавил он — вернется в Москву Артамон Матвеев, попавший в опалу в конце царствования Алексея Михайловича и сосланный на Север. В письме от 21 февраля 1682 г. снова и более определенно резидент указывает на права Петра занять престол. Артамон Матвеев к тому времени получил приказ вернуться ко двору, ему были возвращены все его поместья и имущество. Матвеев ожидался в Москве с надеждой на то, что он мог употребить все свои таланты «для предупреждения и устранения смятений и волнений, угроза которых налицо».¹⁷ Заявление Келлера о том, что Петр займет престол в случае смерти царя Федора и что это вопрос решенный, проливает определенный свет на приписываемые последнему слова, которым раньше не придавали должного значения: «Отец мой (Алексей Михайлович, — М. Б.) имел намерение царевича Петра нарещи на царский престол; но юных ради лет его нарече мя, его же и аз хошу нарещи царя».¹⁸ В письме от 25 апреля, отправленном из Москвы за четыре дня до кончины Федора, не вызывавшей сомнений у лечащих его докторов, Келлер еще раз говорит о смятении и беспорядках в стране и о призыве Артамона Матвеева, прибывшего из Холмогор в Лух, ко двору; ежедневно курьеры доставляли Матвееву известия о том, что делалось в столице. Резидент высказал также опасение относительно возможности вспышки династических распрей. 2 мая в новом письме, в опровержение своего беспокойства, он отметил, что избрание Петра происходило относительно спокойно, при общем согласии всех чинов государства, за исключением стрельцов, которые противятся этому выбору.¹⁹ Письмо, отправленное 2 мая, написано 29 апреля, сразу же после поступления сведений о восшествии на престол нового царя и восстании стрельцов. Царевич Иван, сообщал Келлер, признан неспособным править из-за слабоумия и других душевных и телесных недостатков.

Письма голландского резидента не оставляют сомнений в том, что господствующая верхушка, расколотая на два лагеря, пошла на компромиссное соглашение перед лицом начавшегося восстания 40-тысячного войска стрельцов.

Но это была не единственная угроза для нее. В июле 1681 г. царский двор занялся обменом медных денег, что вызвало падение их стоимости на 15%.²⁰ Эта неразумная, с точки зрения резидента, мера серьезно подорвала благосостояние народа и могла стать причиной восстания «черни», которая была доведена до крайности. «Упаси бог от этого эту страну!» — восклицал он. В феврале он сообщил о восстании киргизов и башкир, о возмож-

¹⁷ ЛОИИ, колл. 40, №№ 135, 148.

¹⁸ ДРВ, т. VII, Изд. 2, М., 1788, стр. 373.

¹⁹ ЛОИИ, колл. 40, №№ 151, 152.

²⁰ Там же, № 137.

ном восстании в столице и междоусобице при дворе. На фоне растущего возмущения народа осмелели стрельцы. Их первая челобитная на полковников подана как раз в февральские дни, когда их хотели направить на подавление восстания в Казани. В апреле вспыхнуло казачье восстание на Дону.²¹ Последним в ряду грозных для господствующего класса событий явилось восстание стрельцов в Москве, начавшееся в апреле. В такой обстановке произошло «с удивительной тихостью» избрание царя Петра I.

Не менее важны письма Келлера о вооруженном восстании стрельцов 15—17 мая и выступлении холопов. В отличие от русских источников (А. А. Матвеев, С. Медведев, и др.) Келлер в письме от 2 мая сообщает такой любопытный факт: восставшие в апреле стрельцы поднялись не только против своих начальников, но и против бояр. «Стрельцы нападают на кареты бояр, бегущих из столицы, и боярских холопов», — пишет он.²² А. А. Матвеев, сын пострадавшего в восстании 15—17 мая Артамона Сергеевича, пытался представить дело так, что после избрания Петра I, после 29 апреля, стрельцы успокоились, но их стали поднимать и разжигать Милославские, и довели их до выступления. 8—14 мая с помощью Милославских, как утверждал А. А. Матвеев, стрельцы организовались в тайные и явные кружки (своего рода органы восстания). Келлер не подтверждает этот основной тезис А. А. Матвеева, направленный против своих династических противников Милославских. Еще в письме 29 апреля—2 мая он сообщал о стрелецких кружках (кругах). Восставшие стрельцы, как писал Келлер, не только не усмирились, но захватили в свои руки всю столицу. Именно в период между 29 апреля и 14 мая Келлер наблюдал бегство бояр из столицы и вывоз ими наиболее ценного имущества. Резидент беседовал со стрельцами и выяснил, что они добивались удовлетворения их законных требований к правительству об уплате жалованья и наказании виновных полковников.²³

В письме от 15 мая он отметил неудачное, роковое распоряжение Нарышкиных об отправлении 6 стрелецких полков на подавление волнений татар и башкир и о том, что стрельцы, боясь разъединения, отказались повиноваться правительству. При чтении писем Келлера создается ясная картина того, как протекало восстание стрельцов. Нарышкины, помимо своей воли и без участия Милославских, сделали все, чтобы довести стрельцов до вооруженного выступления 15—17 мая.

В письмах 23 и 30 мая Келлер подробно освещает это вооруженное восстание, сомкнувшееся с выступлением холопов.²⁴ Наиболее интересны его сведения о поведении стрельцов после

²¹ ДАИ, т. X, № 6.

²² ЛОИИ, колл. 40, № 152.

²³ Там же, № 153 (от 15 мая 1682 г.).

²⁴ Там же, №№ 154, 155.

расправы с боярами и убийства Артамона Матвеева, который, как это теперь становится ясно из писем резидента, фактически руководил Нарышкиными и, еще будучи в Лухе, возглавлял правительство.

Стрельцов, которым Келлер симпатизировал как «государеву войску», он отделял от ненавистных ему холопов. 23 мая он предсказывал, что, как только стрельцы получат жалованье, они тотчас же изменят холопам и подавят их выступление. «История нас учит, — писал он, — что у римлян подобные возмущения рабов происходили часто, но что они обыкновенно подавлялись силой оружия». Келлер не ошибся. Через несколько дней после выдачи жалованья стрельцам восстание холопов, испугавшее не только Келлера, было подавлено стрелецким войском.

На основании данных писем голландского резидента можно по-новому подойти к вопросу об избрании 26 мая на престол царя Ивана. Келлер отмечает равнодушие стрельцов к династическим распрям господствующей верхушки бояр. Это также вносит известный и важный корректив к версии А. А. Матвеева и С. Медведева о якобы активном участии стрельцов в возведении на престол Ивана Алексеевича. Резидент отмечает единодушие при избрании Ивана, единодушие бояр, которые испугались восстания холопов и объединились перед лицом этой смертельной для них угрозы. Господствующая верхушка русского феодального класса, отложив распри, объединилась путем компромиссного решения об оставлении на русском престоле двух царей.

Таким образом, изучение писем Келлера позволяет по-новому подойти к пониманию главных причин восстания стрельцов и холопов в мае 1682 г., более правильно оценить поведение придворных группировок перед лицом восстания народа. Бесспорно, письма Келлера о событиях 1682 г. — это важный, ценный источник.

Не приходится говорить о значении писем Келлера и подобных им донесений для освещения внешнеполитических отношений России, в частности, для более правильного понимания замыслов русского командования во время Крымских походов (1687—1689 гг.)²⁵ и изучения русско-голландских торговых и политических связей последней четверти XVII в.²⁶

Введение в научный оборот переписки постоянных дипломатических агентов, появившихся на политической сцене Европы в XVII в., — это существенное расширение документальной базы исторических исследований.

---

²⁵ М. И. Белов. К истории дипломатических отношений России во время Крымских походов (1687—1689). Ученые записки ЛГУ, серия историческая, № 112, 1949.

²⁶ Имеется в виду моя, подготовленная к печати, статья «Россия и Голландия в последней четверти XVII в.» для сборника Института истории АН СССР «Международные связи России в XVII—XVIII вв.».